

Европейский путь Турции

Александр Задохин,
доктор политических наук, профессор

“Мы стремимся модернизировать нашу страну, все наши старания направлены на то, чтобы создать современную, то есть европейскую власть”

Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк),
первый президент Турецкой республики

Само положение Турции дает повод для исследования возможностей и пределов её влияния в качестве региональной державы и изучения того, как она выстраивает свои отношения с другими государствами, прежде всего с европейскими. Эта страна расположена на стыке трех мировых геополитических регионов – Европы, Ближнего и Среднего Востока и постсоветской Евразии и имеет территорию как в Азии, так и Европе.

Следует напомнить, что до последней четверти XIX в. западные границы Турции проходили через территории стран Центральной Европы. По размерам европейская часть территории Турции была вполне сопоставима с ее азиатской.

С XVII в. Турция является значимым актором европейских международных отношений, важнейшим элементом баланса сил, по крайней мере, на восточном направлении.

После потери большинства своих европейских территорий на Балканах Турция показала, что она не собирается уходить из Европы. Безусловно, речь шла не буквально о возвращении ее европейских территорий, а о сохранении своего присутствия на европейском геополитическом пространстве и не только с помощью внешней политики.

Ставшие в 1918 г. во главе Турецкой республики реформаторы-кемалисты предприняли попытку изменить социокультурный облик страны. С этого времени такие одного семантического ряда категории, как “европеизация” и “вестернизация” стали использоваться историками и политологами для характеристики стратегии развития Турции и особенностей турецкого национализма.

Кемалисты смогли не только сохранить единство государства в границах, определенных Лозанской международной конференцией, несмотря на противоречивость решений последней и ряд восстаний курдов, претендовавших на независимость, но и провести модернизацию общества и заложить те социокультурные основы своей стратегии, которые позволили, в конечном итоге, поставить перед Европой вопрос о

признании европейской(!) идентичности Турции и о вступлении страны в ЕС. Конечно, в определенной степени этому способствовала геополитика и противостояние Запада с СССР и восточноевропейскими странами социалистического лагеря.

После окончания Второй мировой войны Анкара однозначно выбирает прозападную геополитическую ориентацию, что соответственно способствовало продолжению курса на формирование светского нацио-государства. Безусловно, в этой связи следует отметить факт членства Турции в НАТО – военно-политической организации, где абсолютным большинством являются представители западноевропейских государств.

При этом гарантом светского курса была окончившая ряд западных военных и гражданских учебных заведений высшая военная элита Турции.

В период “холодной” войны Турции была отведена важная стратегическая роль в противостоянии Запада с СССР и его союзниками и одновременно проводника американской внешней политики в регионе Среднего и Ближнего Востока. Со своей стороны, Анкара старалась использовать все эти обстоятельства, чтобы остаться и укрепить свои позиции в европейской политике.

Но “холодная” война фактически “заблокировала” Турцию в Азии. Став восточным бастионом НАТО, страна подчинилась логике американско-советского геополитического противостояния и идеологической борьбы двух социальных систем. В то же время при всех возникающих внутренних и внешних проблемах и кризисах Турция не упускала возможности продемонстрировать свою, по крайней мере, балканскую идентичность своим западным соседям и не отказывалась от проевро-

пейского кемалистского курса. И если Анкаре в полной мере не удалось реализовать свои планы, то был накоплен определенный положительный опыт и уверенность, что Турция нужна балканским и европейским странам.

Другое дело, что в период “холодной” войны, как признают непосредственно турецкие политологи, “основным, на чем базировались отношения Турции с международным сообществом, особенно с США, была безопасность”¹. С другой стороны, никто из западноевропейцев особенно и не требовал от Турции слишком больших усилий по углублению демократии, так как понимали, что есть более важная проблема – безопасность.

Возможно, что нестабильная внутриполитическая обстановка в стране и частая смена правительства, военные перевороты не дали развить тенденцию сближения. В то же время диалог Турции с Европой не прерывался: каждое охлаждение сменялось потеплением.

После окончания “холодной” войны в Европе начинают пересматривать свое понимание безопасности. А в самой Турции наметились положительные подвижки в отношении общества к европейскому проекту. Дело в том, что миллионы турок уже находились в Европе.

После 11 сентября 2001 г. нынешняя правящая партия, корни которой уходят в турецкое исламистское движение, – Партия справедливости и развития (АКР), начинает новый этап развития отношений страны с ЕС.

На первый взгляд приход к власти АКР, кажется нелогичным. Но это можно понять только в контексте политической эволюции Турции и как продукт ее истории. Дело в том, что в Тур-

ции есть две взаимопроникающие системы мировоззрения – турецкий национализм и ислам. Они, соперничая между собой в понимании национальной идеи, стимулируют динамику политического процесса внутри страны, а также оказывают свое влияние на формирование её внешнеполитического курса при том, что традиционалистские исламистские настроения по-прежнему присутствуют в турецком обществе, а вылазки экстремистов носят регулярный характер.

В самом исламистском движении произошел “поколенческий и идеологический” раскол¹. Младоисламисты более терпимы и более турки, чем традиционалисты. С другой стороны, формирующийся новый мировой порядок под началом одной сверхдержавы породил целый ряд новых региональных конфликтов в непосредственной близости от Турции – на Ближнем Востоке и Балканах, причиной которых традиционная составляющая турецкого общества винит имперскую политику США.

После окончания “холодной” войны “турецкой элите еще предстояло осознать, насколько изменился европейский контекст отношений их страны с Западом. Исчезновение угрозы с Востока сделали невозможным со стороны Европы прежнее более или менее толерантное отношение к “несовершенной” демократии с ее дефицитами в ситуации с правами человека¹.

В этом смысле приходилось все начинать с начала. И Турция как и после окончания Первой мировой войны начинает с Балкан или пытается в ином формате вернуться в те страны, которые ранее входили в Османскую империю. И это нашло свое проявление в балканской политике Турции в межвоенный период, а затем и после окончания Второй мировой войны, а тем

более после окончания “холодной” войны.

Турция рассматривала Балканы не только как наиболее благоприятное место для реализации своих европейских амбиций, но и, пожалуй, единственно возможное.

Основные направления внешнеполитического курса Турции на Балканах представлялись турецкой дипломатией таким образом²:

– Балканы – Ворота Турции на Запад. В условиях “холодной” войны все балканские страны в своей региональной политике следовали курсом, навязанным извне, но после ее окончания создались условия, когда балканские страны на основе свободного волеизъявления могут развиваться в направлении многостороннего регионального сотрудничества.

– Целью внешней политики Турции на Балканах является стремление к развитию демократии и отношений свободного рынка, экономическое развитие стран региона, сохранение достигнутой ранее стабильности и постоянное оказание посильной помощи.

– Турция также принимает во внимание, что на Балканах проживают около 10 млн. мусульман, в том числе и этнических турок. Эти люди имеют не просто религиозные связи с Турцией, они близки Турецкой Республике по духу, по общим историческим и этническим истокам и традициям и рассчитывают на соответствующую помощь в трудные времена.

Турция стремится проводить на Балканах многостороннюю политику, диверсифицируя свои международные отношения. Турецкие политики посчитали, что теперь, когда рухнули барьеры “холодной” войны, можно будет больше внимание уделить развитию

экономических связей со своими балканскими соседями. В этом смысле политика Турции на Балканах начала 90-х годов XX столетия напоминала ее политику в регионе после окончания Первой мировой войны. Хотя Турция не располагала как в межвоенный период таким средством как Балканская Антанта, но организация Черноморского экономического сотрудничества дает возможность ей установить более тесные отношения с балканскими странами. Кроме того, этому способствовал уход России из региона.

Геополитический и идеологический вакуум в регионе стал постепенно заполняться не только НАТО, но, прежде всего, Турцией: если натовские генералы были больше поглощены реализацией своих военно-стратегических планов “расширения на Восток”, то Турция – распространению своего экономического присутствия как способа реализации интересов национального развития на европейском направлении.

Рынок сбыта в балканских странах, где ранее доминировали СССР и страны СЭВ, представлялся для Турции более благоприятным, чем более требовательные рынки высокоразвитых стран Европы и Америки. Сравнительно дешевая турецкая продукция быстро заполнила новые рынки, а это способствовало расцвету ряда отраслей её экономики и росту влияния в регионе Балкан, то есть непосредственно вблизи ЕС.

Прежде всего, Анкара предпринимает все необходимые меры для того, чтобы систематически развивать свои отношения с государствами, где проживает значительное число мусульман и турок (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония). Развитие Анкарой связей с данными странами

создает для нее определенный плацдарм в регионе и нейтрализует или компенсирует сопротивление Греции в отношении продвижения Турции в Европу. Такая тактика не дает полной гарантии выхода в Европу, но можно говорить о том, что на Балканах появились силы, на которых Турция могла бы положиться в той или иной сложной региональной ситуации. “Исламская дуга” через Балканы в Европу под началом Анкары может способствовать решению многих, в том числе и стратегических проблем Турции как региональной державы на восточном направлении, а также повысить ее статус в европейской политике.

Закономерно, что турецкий национализм опять заявил о себе во внешнеполитическом качестве и непосредственно на Балканах. Но после окончания “холодной” войны Европа повысила планку своих требований к Турции с точки зрения соблюдения прав человека. Более того, на первое место стала выходить проблема цивилизационного порядка, то есть насколько турецкое общество само по себе вписывается исторически и культурно в пространство европейского сообщества христианских наций.

В определенном смысле подтверждение этому расширение Европейского союза за счет ближайших балканских соседей Турции – Болгарии и Румынии. И это болезненно воспринималось Анкарой, давно подавшей заявку на вступление в ЕС. Так, турецкие политики обвиняли европейцев, что они хотят ограничиться приемом в ЕС “исключительно христианских стран”.

Например, турецкий генерал Евик Бир, оценивая перспективы вступления Турции в ЕС, высказал следующее предположение: “Не лучше ли было бы, если бы Турция все последние сорок лет была членом комму-

нистического Варшавского пакта и угрожала европейской безопасности. Может, в этом случае можно было бы гораздо быстрее добиться вступления Турции в ЕС?³. По мнению генерала, роль Турции на Балканах в обеспечении европейской безопасности так была и не оценена ЕС³.

По экономическим показателям Турция превосходит Болгарию и Румынию и даже является их инвестором. Но ЕС предъявляет претензии к внутренней политике Турции в сфере прав человека и развития институтов гражданского общества. Хотя и соседи вряд ли могут похвастаться большими успехами в указанных областях. Их преимущество – не только отсутствие проблем, подобных курдской и чеченской, но и принадлежность к христианству. Хотя и с определенной оговоркой, что это страны православные.

Более того, по мнению экспертов, в Европе на Турцию как государство смотрят по-прежнему с опаской и рассматривают как “дестабилизирующий фактор для европейской стабильности”.

“Формирующийся у нас на глазах Европейский союз ... обладает обаянием многообразия. Однако, – как считает директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль, – вследствие включения в его состав стран Балканского полуострова и расширения сферы культурного православия ... Европе стала присуща опасная разнородность”. В этой связи французский исследователь подчеркивает, что именно в этом контексте следует рассматривать европейцам “турецкий вопрос”⁴.

Перспектива вступления Турции в ЕС пугает “большинство жителей Европы, которые ассоциируют Турцию с событиями и явлениями, уходящими корнями в прошлое и вызывающими страх”⁴. Так, “европейцы со страхом относятся к исламу, причем эта боязнь неизмеримо выросла после 11 сентября 2001 г.

Например, в Германии, где давно проживает и работает значительное число турок, периодически вспыхивают шовинистические и сегрегационные настроения и конфликты на национальной и религиозной почве.

Кроме того, по мнению европейцев, есть и “другие причины опасаться Турции”. Это постоянный рост ее населения: уже сегодня оно составляет 70 млн. чел. Соответственно, в Европейском парламенте Турция получит самое многочисленное консолидированное представительство. “Жители Европы опасаются к тому же, что неравномерное экономическое развитие и свободный оборот товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в совокупности окажут вредное воздействие на их экономику”⁴.

Тот факт, что расширение НАТО на восток и юго-восток (то есть на Балканы!) происходит за счет стран ЦВЕ свидетельствует, что Турцию попрежнему хотят “придержать” в Азии, где в современных условиях для Запада возникают все новые угрозы и вызовы.

Определенную роль в этом играли и играют США, наиболее заинтересованные в том, чтобы Турция оставалась в кильватере их внешней политике в регионе Ближнего и Среднего Востока. Порой это создает для Анкары дополнительные сложности в ее отношениях с ЕС.

Например, в ноябре 2002 г. международное руководство НАТО под давлением американских генералов продлило ответственность Альянса за миротворческую операцию в Македонии. Притом, что Турция, являясь членом НАТО, еще ранее заблокировала договор об использовании инфраструктуры блока частями спецназа Евросоюза.

Тогда Анкара попыталась в обмен получить от европейцев принципиальное согласие на принятие своей страны в ЕС.

В свою очередь, балканские абитуриенты (Болгария и Румыния), собираясь вступить в НАТО, рассчитывали на содействие Анкары или, по крайней мере, на то, что она не воспользуется правом вето.

Как отмечали европейские эксперты, "Анкара стала ... политической Меккой для тех стран, которым в любом случае потребуется ее поддержка при расширении НАТО. ... Расширение НАТО на Восток, в орбите которого позже окажется и Украина, могло бы предоставить Турции еще больше возможностей внести вклад в создание новой структуры европейской безопасности"⁵.

Действительно, после вступления в НАТО Болгарии и Румынии пространство европейской безопасности географически стало неразделенным.

В 2007 г. в ЕС вступят Болгария и Румыния. Соответственно, Анкара при неплохих отношениях с Болгарией и Румынией рассчитывает на их будущую помощь и балканскую солидарность как стран-членов ЕС уже в европейском пространстве. Возможно, с поддержкой названных её соседей Турция к 2015 г. войдет в ЕС.

Войдет или не войдет Турция в ЕС в ближайшее время, но после воссое-

динения географического, политического и экономического пространств Европы Турция вместе с другими балканскими странами действительно станет стратегическим и геоэкономическим мостом между Азией и Европой, дорогой ЕС и НАТО на Кавказ и дальше на Восток в обход России. Если же ЕС будет придерживаться изоляционистской позиции в отношении Турции, для последней ничего не останется, как укреплять и расширять свои позиции на Балканах и ждать своего звездного часа. Но Брюссель, сказав "А" – начав переговоры с Анкарой на предмет вступления Турции, когда-то скажет и "Б"...

Упорство высших турецких элит в продвижении своей страны в Европу – при сильных антизападных настроениях в массах – представляет в среднесрочной перспективе вероятность увидеть здесь и будущего лидера в Юго-Восточной Европе. Вступление Турции в ЕС дает ей еще один шанс окончательно вернуться на Балканы в качестве равноправной европейской страны и одновременно стать центром притяжения для значительного числа балканских, а также черноморских стран.

А пока Европа расширяется, и в будущем возникнет парадоксальная ситуация, когда Турция (а это 80 млн., причем абсолютное большинство мусульман) после вступления в ЕС станет частью Европы.

Примечание

¹ *Озель С.* Долгий путь в Европу. Сага об отношениях Турции и ЕС // *Internationale Politic.* 2004. № 6. С. 84, 89.

² Цит. по: *Кахидзе Н.Х.* Внешняя политика Турции на Балканах и кризис в бывшей Югославии. М., 1997.

³ *Huerrieyt Daely.* 1997. 17. 12.

⁴ *Монбриаль Т.* Турецкий вопрос // *Россия в глобальной политике.* 2004. № 4. С. 91, 93, 94.

⁵ *Гумпель В.* На стыке Европы и Азии // *Internationale Politic.* 1998. № 1. С. 34.